

Виктор Брусницин

ВАШ ХОД, СУДАРЫНЯ

ФАРС

в пяти действиях

Действующие лица:

Юля, молодая женщина

Вика, ее школьная подруга

Дмитрий Петрович, импозантный человек в районе пятидесяти

Павел Васильевич, тот же возраст

Саша, бойфренд Вики

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

Скамья, к ней подходят Юля и Вика. Устраиваются: аккуратно кладут сумочки, достают сигареты, зажигалки. У обоих пиво.

ЮЛЯ. Ты снова перешла на Вог. Вроде садила на Вирджинию.

ВИКА. Представляешь, губы отторгают. У помады становится совершенно другой вкус. Я сначала думала, что зубная паста – дантист порекомендовал новую. Новозеландская – на каких-то там замороженных растениях. Вернулась к старой – нет, привкус остался... Слушай, мой зубничок новую технологию освоил – специально ездил в Данию – хочу передний зуб поменять.

ЮЛЯ. Один что ли?

ВИКА. Ну да, у меня правый немного неправильно растет. (*Скалит зубы, показывает.*)

ЮЛЯ (*внимательно изучая*). Правый относительно меня или тебя?

ВИКА. Меня.

ЮЛЯ. Да, немного кривит... Старый удалять?

ВИКА. Разумеется.

ЮЛЯ. Ой, я так боюсь зубной боли! Другой раз думаешь, может и не братья.

ВИКА. Ты вроде недавно удаляла.

ЮЛЯ. А куда деваться! Ты же видела какие у меня были нижние клыки.

Синхронно пьют пиво.

ВИКА. Представляешь, у Сашки знакомый в Новую Зеландию уехал на пээмжэ. Рай якобы: Гарри Потер, другие заморочки – в Новой Зеландии снимались. Водопады, седьмое-пятое.

ЮЛЯ. Ну и что с них, водопадов, на стол не подашь.

ВИКА (*расстроено*). Да ну, на тебя не угодишь!

Курят, смотрят перед собой параллельно.

ВИКА. Юлька, у тебя знакомого психотерапевта нет?

ЮЛЯ. Зачем тебе психотерапевт?

ВИКА. Ты меня убьешь – зачем психотерапевт!? Жизнь – сплошной стресс!

ЮЛЯ. Жорка говорит, в России этого не нужно. Мы, дескать, сейчас именно этим делом и занимаемся.

ВИКА. Ты что – издеваешься? (*Круто поворачивается к подруге.*) Ну-ка объясни сон. Иду по аллее, лежит пьяный мужик поперек. Я остановилась, думаю, с какой стороны лучше обойти. Ну, пошла где ноги. Только обогнула, голос такой жуткий – чистый и звонкий: «Не ходи по воде, она мокрая...» И эхо – «мокрая, мокрая». А?

ЮЛЯ. Все что ли, весь сон?

ВИКА. Там еще что-то было, но именно это запомнилось.

ЮЛЯ. Ну, вода... там несколько толкований... А-а, вот, какие-то неприятности, но ты сумеешь предупредить. Слушай, с тебя причитается.

ВИКА. Я знаю, о чем ты. Глухой номер, дело не в воде, а вот что – «мокрая». Подспудные страхи! Подсознание, сублимация!

ЮЛЯ. Ага, еще либидо присобачь.

ВИКА. Сама ты лебеда.

Смеются.

ЮЛЯ. Нет, про страхи ты прекращай, это, знаешь... чревато. И вообще, я помню как ты в школе Рувку Гуткина отделала.

ВИКА. Причем здесь Гуткин? он у меня жвачку стянул! Я в детстве жутко боялась собак – страхи обязательно... Между прочим, я Рувку недавно встретила – я тебе не говорила?

ЮЛЯ (*воодушевленно*). Нет, ну-ка!

ВИКА. Весь из себя – прикинут, тойотка... Вспомнили, посмеялись. Визитку оставил.

ЮЛЯ. Звонила?

ВИКА. Нет. Без дела звонить – подумает еще чего.

ЮЛЯ. А чем занимается?

ВИКА. Туристический бизнес.

ЮЛЯ. Визитку не теряй.

Хихикают.

ЮЛЯ. Между прочим, надо в Таиланд съездить – все говорят: прикольно до изжоги.

ВИКА. Мы в ноябре в Эмираты, с Осиповыми.

Пауза.

ЮЛЯ. Говоришь, сублимация... Слушай, а мне крокодил приснился. Почему-то красный. Пасть разевает, а оттуда запах сирени...

ВИКА. Да ну тебя – во сне запахов не бывает.

ЮЛЯ. В том и дело – сама удивилась. И знаешь, вспомнила: я в детстве летом у бабушки часто гостила, в деревне. У нее сосед был – отвратный дядька. Напьется, жену поколотит, а потом за ограду выскочит, падет на колени и плачет: простите, люди – прадед каторжником был, молекула выступила.

ВИКА. А причем здесь крокодил?

ЮЛЯ. Так крокодиловы слезы.

ВИКА. Ты думаешь? А может насчет того случая – Жорка лупит?

ЮЛЯ. Фи, еще не хватало – чипсом румяным не поперхнется?

ВИКА. А сирень причем?

ЮЛЯ. Черт ее знает – люблю сирень... Ты хочешь, чтоб бензином пахло?

ВИКА. Да ну тебя – дура!

Обе хохочут. Успокаиваются, прикладываются к пиву.

ЮЛЯ. Взяла, глядя на тебя, лёвенбрау – дрянь.

ВИКА. Чего это дрянь? Нормальное немецкое пиво.

ЮЛЯ. Щас, немецкое! У нас делают, просто якобы по их технологии. Известно, вода наша, работнички. На брэнд берут.

ВИКА. Надо на зеленый чай переходить.

ЮЛЯ. И на питание четырех-пятиразовое.

ВИКА. Ага, пятиразовое – у нас на фирме. Такой урод начальник – гэбэшник бывший. *(Ерничая)* Дисциплина – залог конкурентоспособности!

Пауза.

ЮЛЯ. Впрочем, рожа красная у мужика была – вот и крокодил красный.

Пауза.

ВИКА. Правильно, что в ресторан не пошли. Погода – прелесть.

Пауза.

ЮЛЯ. Так хочу мебель поменять.

ВИКА. Ты же года три назад гарнитур покупала.

ЮЛЯ. Да ну – уродский. Скидки были порядочные, мама подначивала – бери. Соблазнилась... У нашей главбухши кухонный гарнитурчик – сказка. Вообрази, барная стойка под мрамор, стеклянный двухуровневый стол.

ВИКА. На вашей кухне бар – окстись!

ЮЛЯ. Сломать стенку, я давно думаю. В прошлую субботу квартирный вопрос смотрела? Очень миленькую кухню показали.

ВИКА. Сейчас с кредитами – вполне доступно. Осиповы евро сделали – это что-то!.. *(Пауза.)* Да, чуть не забыла. Хочу Саньку отравить – ты ведь у нас специалист по этому делу.

ЮЛЯ. Почему непременно отравить? – сейчас все пуляют.

ВИКА. Пф, пулять. Я как представлю Сашку в гробу с дырой во лбу – мерзость! Нет, положительно травить.

ЮЛЯ. Легко сказать – травить. А чем? Цианистым – так его не достанешь. Да и просто обнаружить, потом доказывай, что из лучших побуждений... Кстати, умертвить-то с какой целью?

ВИКА. С какой целью?.. *(Задумалась.)* Ой да – не придумаю что ли!

ЮЛЯ. Во-первых, на что ты будешь существовать?

ВИКА. Верно, я как-то не подумала. Пусть живет?

ЮЛЯ. Простили – постель хоть согреет. Раньше у аристократии специальные люди были, ложились до хозяев, койку грели.

ВИКА *(с иронией)*. И вообще... ты, говорит, не Вика, а Вука-Вука.

ЮЛЯ. Вука-вука? Это что?

ВИКА. Ой тьма-а!! Препарат для стоячки!

ЮЛЯ (*смеясь*). Пусть живет, конечно!

Смеются обе. Пауза.

ЮЛЯ. Хочется чего-то романтического.

ВИКА. Романтическое – это которое?

ЮЛЯ. Ну, я не знаю... подарок какой-нибудь.

ВИКА. Причем всегда.

Пауза.

ВИКА. Очутиться бы на бале, где-нибудь в семнадцатом веке!

ЮЛЯ. В России в семнадцатом не было балов.

ВИКА. Да ты что – никогда бы не подумала!.. (*Лукаво посмотрела на собеседницу.*)
Значит, говоришь либидо... Слушай, а ты с евреем спала? Обрезание, это что такое?

ЮЛЯ. Ну ты даешь – крайняя плоть! У них там лишняя кожа, отмахлячивают в детстве. Гигиена, все такое.

ВИКА. Во-первых, насчет даешь – кроме Саньки давненько уже никому. Виновата. А вот лысенький член – это забавно. Трехдневная щетина и плешивенький товарищ. Прикольнo... Слушай, но ведь должен оставаться шрам! А? Остается или нет?

Обе глубоко задумываются.

ВИКА. У тебя знакомый еврей есть?

ЮЛЯ (*озаряется, поразмыслив*). Гуткин же еврей!

Разом смотрят друг на друга и задорно смеются.

ВИКА. Слушай, мода в газетах пошла писать, что солярии вредны. Уже и раком пугают – просто атаку соорудили. Так психанула, Санька у меня издергался.

ЮЛЯ. Психанула? Вот дура! Нельзя мужикам показывать свои эмоции.

ВИКА. Почему это нельзя? А кому еще показывать! Над близкими только и изгаляемся, других-то боимся.

ЮЛЯ. Чушь! Вернее папе-то с мамой – это верно, а мужику нельзя. Его надо в недоумении держать. Нужно быть относительно недоступной, чтоб он чувствовал себя невежей.

ВИКА. Ага, разбежался – почувствовал.

ЮЛЯ. В этом и состоит искусство. Пожалуй, не недоступной, а таинственной.

ВИКА (*морща лобик*). Да? Какие жуткие вещи ты говоришь.

Вика задумывается.

ВИКА. Юлька, я же креститься собралась.

ЮЛЯ. Да иди ты!

ВИКА. Клянусь цветом лица!

ЮЛЯ. А я такая плаксивая стала.

ВИКА. Слезы очищают.

ЮЛЯ. От чего? Я чиста как червонное золото – несколько раз подряд Жорке не изменяю.

Вика коротко взглядывает, улыбнувшись, отворачивается, серьезнеет. Пауза.

ЮЛЯ. Черт, с пива потянет, а заскочить некуда.

ВИКА. Тут недалеко открытая кафешка, там биотуалет.

ЮЛЯ. Нет, я пока теоретически... А почему мы сразу туда не пошли?

ВИКА. Да ну, я бы непременно чего-нибудь взяла. Но ты же знаешь, диета... И вообще, чем здесь не клёво? Скамейка, в этом тоже есть романтическое.

ЮЛЯ. Пожалуй...

ВИКА (*с задумчивым удивлением*). Мама говорила, когда беременная мной была, мочилась часто. И ей все казалось, что выльет меня.

ЮЛЯ. Хым... Ты собираешься?

ВИКА. Да ну. Ты же знаешь, то живем с Сашкой, то нет... Да и вообще, успеется. (*Посмотрела строго и вопросительно на Юлю.*) Вот у тебя квартирных проблем нет.

ЮЛЯ (*вздыхнув*). Нда, квартирный вопрос... Жорка не хочет. Собственно... Да нет, я бы родила... Опять же на работе – в декрет теперь никак уходить нельзя. У нас, похоже, пертурбация грядёт – главбухшу в крупную аудиторскую компанию зовут.

ВИКА (*восторженно*). Да ты что! Ну-ну?

ЮЛЯ (*скептически*). Ой, такая возня идет – куда бежать!.. Ничего не ясно.

ВИКА. Вы же с ней вась-вась!

ЮЛЯ. А причем здесь она? Скворцов будет решать.

ВИКА. Ну так юбочку укоротить – тебя ли учить, лебеду.

ЮЛЯ. Ага, я одна умная! Усуетились все, смотреть на баб противно... Да и он такой махровый... Впрочем...

Вика щиплет подругу.

ВИКА. Давай, колись, чего, ей богу!

Юля мнется, задумчиво ерзает.

ЮЛЯ (*подобравшись*). Тут как-то Ольга, ну главбуха наша...

ВИКА (*нетерпеливо*). Да знаю, знаю.

ЮЛЯ. ...в командировке была. Заходит Скворцов. Девочки, надо чтоб кто-то со мной в налоговую съездил. Кто в курсе по «Омеге»? И смотрит на меня... Представляешь, я действительно в отчетах участвовала. Но откуда знает? И вообще, Людка тоже занималась, однако он на меня смотрит... Ладно. Я так это скромненько отвечаю: вот – мы с Людмилой Ивановной...

ВИКА (*восторженно*). Это красиво, Людмила Ивановна! Она, вроде бы, на год всего тебя старше.

ЮЛЯ (*с чувством*). Ну да!.. Короче, Скворцов говорит: Юля, соберите бумаги, поедем... (*Меняет позу.*) Сидим в машине. Обрати внимание, оба на заднем сиденье. Правда, я по ходу ему там кое-что показываю. Но... не суть. В общем, в налоговой все чики-чики – я даже удивилась. Обычно... Словом, на обратном пути заявляет: вы несомненно не обедали, не составите компанию?

ВИКА (*в ужасе хватая локоть подруги*). Да ты что!!

ЮЛЯ. Я. А это удобно?

ВИКА (*трясет локоть*). То есть заведомо подчеркнуть неделовой характер!

ЮЛЯ (*с чувством*). Ну да!.. Всё. Обстоятельно так это располагаемся в Астории.

ВИКА (*отпустив Юлю*). Блин, ни разу не была.

ЮЛЯ. Да я тоже. Если вдуматься, я сомневаюсь, что и Скворцов регулярно обедает в Астории. Правда, она рядом с налоговой... Тем не менее.

ВИКА (*с мягкой иронией*). Постой, я закурю, воздуха не хватает.

Вика закуривает.

ВИКА. Слушай, а ведь я вашего так и не видела. Какой он?

Юля неуверенно поживает плечами.

ЮЛЯ. Да так, ничего особенного... (*Оживляется.*) Ну вот. Приносят меню...

ВИКА. Молчи, молчи! Скворцов заказывает спиртное!

ЮЛЯ (*страстно кивнув*). Юля, мне понравилось, как вы вели себя в налоговой. Надо признаться, я побаивался. Как вы отнесетесь, если мы сопроводим это коньячком?.. Я делаю вот так...

Юля, подносит ладонь с изящно отогнутым мизинцем ко лбу и трогает бровь. Одновременно потупляет взор. Поднимает взор.

ЮЛЯ. В обед коньяк я прежде не испытывала, но отчего же. И потом странно было бы вам отказать.

ВИКА. Юлька, я сейчас умру.

ЮЛЯ. Итак, Хеннеси. Ну там, на обед ничего особенного, я специально выбираю самое умеренное... После восприятия разговоры. О фирме, естественно, поначалу. А потом уже поперла. Знаете, говорю, вы подверглись немалому риску угостив меня коньяком. Я – женщина, от чего совершенно не намерена отказываться, отсюда существо любопытное. Озабочена как и вся женская составляющая фирмы – впрочем, и мужская – о вас мало что известно в отношении личной жизни... И слушай! Неужели я с этой стороны могу представлять интерес, произносит он?

ВИКА. Вот перешница!

ЮЛЯ. Я, само собой, делаю глаза. Послушайте... во-первых, вы совершенно респектабельно выглядите, во-вторых, вы все-таки начальник, а люди с такими характеристиками имеют свойства. Это вообще, а есть еще и частное, о чем я говорить категорически не стану. Короче, пру абсолютно нагло... Ну, он так посмотрел... пронзительно, я бы сказала... и общими местами: дескать, сын в Москве, дочь за границей замужем. Вот внук родился, собираемся ехать на смотрины. Всякая, словом, ерунда. И прохладненько, надо сказать... Но – это уже через пару дней, там-то мы отобедали и на работу – Юля, зайдите ко мне... Заметь, не просит взять никаких бумаг! – Ольга, как ты понимаешь, еще не приехала... А я конечно так это мельком девкам уже скинула насчет ресторана. И, значит, в ответ делаю понимающую улыбку... Ты бы видела Людку...

Юля замолкает, закуривает.

ВИКА. Ну!

ЮЛЯ. Дальше вообще интересно... Садитесь, стало быть. Сажусь, делаю строгое лицо... Представь, он встает, начинает прохаживаться. (*Меняет позу.*) Э-э... Юля, я хотел бы поговорить вот о чем. Э-э... в некотором смысле вы мне обязаны. В общем, меня интересует Екатерина Львовна. (*Пояснительно.*) Ты, наверное, не обращала внимание, недавно пришла. Такая мышь в очках, с короткой стрижкой...

ВИКА. У окна сидит? У нее фото на столе.

ЮЛЯ. Она. Слушай дальше... Понимаете... конечно есть резюме, но хочется знать основательней. Она ладно справляется с делом, а мы будем расширяться. Нужен человек на деликатное направление. Мы тогда поговорили, и представляется, что вы видите людей...

ВИКА. Блин, они все бывшие гэбэшники!

ЮЛЯ. Я делаю улыбочку и нагло заявляю: а я вас в этом ракурсе не интересую? Он лупит глаза и уведомляет: лучше, если вы будете думать, что нет.

Вика делает жест преисполненный чувства.

ЮЛЯ. Что делаю я... (*Сооружает трагическое лицо.*) Более отвратительного человека я не встречала. Жадная, подлая, пахнет нехорошо. Давайте сразу уже охватим остальных. Людмила которая Ивановна. Стяжательна, собственно, воровата, хитра, блудлива. Мне продолжить?.. Вы меня, конечно, извините, но это как-то странно – я не смогу. Катя хорошая женщина, скромная, это все что я могу сказать. Вы уж дождитесь Ольгу Владимировну. Мне можно идти?.. Он смеется. Ну хорошо, идите.

ВИКА. Юлька, это класс!.. Слушай, а ведь останется – про Людмилу особенно.

ЮЛЯ. Между прочим, я только потом сообразила. И, надо сказать, так отвратно себя чувствовала – выпалила как-то не думая... Так вот. На другой день в коридоре встретились. Он: вы меня, Юля, извините. Считайте, что мне просто хотелось с вами пообщаться.

Юля умолкает, вперившись в подругу.

ВИКА. Юлька-а, это этап.

ЮЛЯ (*скептически*). Да ну. Все это месяц назад было... и никаких движений. Переиграла похоже.

ВИКА. Нет, Юль, это интрига. Подруга, ты чудо.

ЮЛЯ. Гадство, не хотела ведь говорить – сглазить, все такое... (*Берет сумочку, кладет в нее сигареты.*) Если главным бухгалтером у нас стать, солидные дороги откроются... (*Вяло.*) А ты говоришь, рожать... Ну что, пойдём?

Встают, охлопывают тылы, собирают причиндалы, трогаются, талдыча что-то друг другу.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

На скамье сидят Павел Васильевич и Дмитрий Петрович.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вы добры.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. С чего вы взяли?

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вы помогли мне.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Тем более, зачем же меня в эту грудку сваливать?

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Грудку? Не понимаю, что вас задело.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Добрым обозвали – терпеть не могу эту пакость.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Позвольте, это же признанная добродетель!

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Что за глупости! Во-первых, нужно спрашивать, хочу ли я быть добрым. Огульно подстраивать всех под общие правила – пакость.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Извините.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Послушайте, что за манера говорить пошлости!

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну хорошо, я буду молчать.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Уж лучше молчите... Впрочем, молчать тоже гадко.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. На вас не угодишь.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Вот это пригодно... А вот добрый! Кажется слышал о подобных человеческих расстройках, однако мало знаком непосредственно. Я так понимаю, вам это свойство знакомо – опишите.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Странно однако... Ну, помочь другому бескорыстно...

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ (*будто на вкус пробует*). Помочь бескорыстно... Хм!.. Корысть – это, как я понимаю, выгода... и преимущественно материального рода. То есть просто взять и помочь?

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вроде того... и получаешь при этом душевную пользу.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Вы уверены? Действительно получаешь?

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ (*как бы чувствуя подвох*). Вообще говоря, Христос учил.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ (*раздумчиво*). Хм, Христос... это тот, что сын господнев.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вы, подозреваю, надо мной смеетесь!

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Не имею малейшего намерения. Я сейчас представил себе картину всеобщего бескорыстия. Значит, все друг другу помогают, иначе говоря, отдают свое. Я тебе, мне другой и так далее. По существу получается обмен не имеющий смысла!.. (*Предупредительно поднимает руку*.) Заведомо согласен, существует неравенство – один может отдать, другой нет. Но получится, что родиться или оказаться в худших условиях станет выгодней – сидит сырой в бездействии и блаженствует, ибо все озабочены деланием бескорыстных вещей. Исчезают стимулы, очень мрачная картина.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вы что же предлагаете, повсеместно зло учинять?

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Я ничего не предлагаю, это вы изволили нравоучениями облагодетельствовать.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Но вы же попираете истины!

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Ни малейшего намерения не имею. Истина, что на земле не исчезают войны. Насилие! И возьмите-ка соотношение затрат на поддержание войн – я имею в виду оружие, матобеспечение и прочие научные совершенства – и затрат на благотворительность. Порядки! Наконец сам материал человеческий... Полагаю, если б не существовало войн, давненько бы на земле рай сотворился... Обратите внимание, даже в благословенной Америке значимые капиталы произошли на эксплуатации, по существу, на грабежах и воровстве – на насилии. И после этого вы призываете награбленным делиться? Да вы к насилию и призываете!

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Несусветная чушь! Человек, главным образом, создает. Уж затем продает оное.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ (*согласительно*). Давайте возьмем эту сторону! Продавец пользуется тем, что покупатель не обеспечен. Он пользуется его слабостью, неспособностью обеспечить самому.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Естественно. Перераспределение. Да как же вы мыслите по иному? Уж не свыше ли распределять? Проходили!

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Но причем же здесь добро? Форменная корысть – голимая. Призыв к добру у вас послан непременно к злодеям, либо к корыстоимцам – так оных казнят. Что за болезнь мозга?

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Странная у вас логика.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Ничего странного. Польза – да, это субстанция. А доброта!.. Опять Америку возьмите, с исподнего корыстна – богатейшее и привлекательное создание однако... Москву приспособьте – слезам, как ведомо, не верит. Бескорыстие – болезнь, нормальному человеку оно противоестественно.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ (*разведя руками*). Ну... я просто не знаю.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Да-с! Именно противоестественно. Оно основано на вере, и вы недаром приспособили Христа... Да ведь вера – удел сырых, образованный человек действует знанием, либо соображением... Знаете что, а возьмите-ка вы у меня тысячу рублей. (*Лезет в карман, достает кошелек*.)

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ничего я у вас не возьму, оставьте ваши эксперименты.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Ага, защипало! Ну-ка признавайтесь, почему отрицаете?

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ (*с лукавинкой*). С какой стати? Я совершенно не нуждаюсь.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Нет, любезный, нужда – это вторая штука. Вы обязанность почувствуете, ваша норма уязвится, невыгодно – вот и вся недолга... Ну так нате три тысячи.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ (*щурясь*). Знаете что, я ведь обижусь.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Да я же вот к чему – вы меня добрым тепер, пожалуй, не назовете. А я деньги бескорыстно предлагаю... Или корыстно? Оно если корыстно, то почему и не взять? Вы подумайте.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ (*хитро улыбнулся*). Знаете что – а вы хотели чтоб я взял? Ну ответьте, коли вы такой психологический!

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Совершенно отвечу... Оставим для строгости в стороне деньги. Конечно, вы бы не взяли. Потому что я бы и не дал... Вот тут и притча – именно не знаю, чего бы я на самом деле желал! Вот она, истинная проблема мозга. (*Стучит себя по лбу.*) Горазды мы нагородить, отсюда резон и теряем. Затея всякой мысли – опорочить предыдущее, сбить с курса и довести до бессмыслицы.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. И что же вы в таком случае предлагаете, любопытно? Уж не покончить ли разом, так сказать?

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Опять бессмыслица! Ибо смысл жизни как раз апробирован и един – не умереть. Это, знаете, женщиной утверждено. Вот уж кто о смысле не заботиться, и это истинно... Ева – жизнь означает. В материнстве и воплощено – возрождение. Мужик – так, пособник. Оттого и ковыряется, что собственная ущербность теребит... Или возьмите: из ребра Адама составлена... шутим мы – единственная крупная кость без мозга. А тут не шутки, тут круг.

Павел Васильевич смотрит на Дмитрия Петровича с любопытством, невеликая улыбка осталась.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Любопытный вы товарищ... (*Меняет позу.*) Послушайте, вы действительно женщин уважаете, либо это очередные загогулины?

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Не сомневайтесь. (*Улыбнувшись.*) Последним фибром души ищу соприкосновения, ибо считаю безукоризненной опорой.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Нет, серьезно?

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Более чем... Да разве не очевидно, что все искусство посвящено половым отношениям? Если же взять, что сочинители в основном мужики, то и можно принимать, что объект вдохновения – женщина. А искусство, уважаемый, круче науки – простите великодушно за новояз, – ибо не на потребление направлено.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Доводы против позвольте?

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Помилуйте, требую!

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Соломону, мудрейшему из царей, приписывается: «Горше смерти – женщина»... Сократ: «Три вещи можно считать счастьем: что ты не дикое животное, что ты грек, а не варвар – и что ты мужчина, а не женщина»... А древний обычай вырыть перед родами яму в песке? Над ней мать рожала, сидя на корточках. Если ребенок, падавший в нишу, был «всего лишь» девочкой, отец тотчас решал, сверяясь с демографией, зарывать ли продукт.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. В пику приглашу вас в историю глубже: первыми языческими богами считались женщины. Многомужество, пожалуйста – оно лежало в основе. Одногрудые женщины воины – амазонки! Есть множество фактов... Да вы взгляните, современный мир женственеет. Бизнесумен, простите. В век потребления и спекулятивной самореализации, куда нас неизбежно гнетет прогресс, женщина ловчей устраивает бытие.

Павел Васильевич снова внимательно смотрит на Дмитрия Петровича, размышляет.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вот какая мысль мне теперь пришла. А если я вам предложу беседу в более смелом ракурсе? – что меня побуждает испробовать ваша замечательная относительность... Надо же, я, кажется, вашим языком заговорил!.. Как вы посмотрите?

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Отчего же. Разумею – вы заметили, что я не избегаю беседовать.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ (*мято*). Э-э... вы понимаете... я даже и не знаю, как сформулировать... Собственно, чего юлить – мы с вами люди посторонние, независимые... Тут такая история. Я – руководитель довольно успешной фирмы. Это к тому, что властью и могуществом в определенном ареале располагаю... Во-от... Словом, некая молодая особа – подчиненная, как вы понимаете – неожиданно... м-м... ну, скажем так, воскресила эмоции...

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Замечательно, просто замечательно.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Понимаете, случай расхожий, и с психологией в части уяснения позывов я знаком достаточно. Избитые построения меня не устаивают в силу того, что я намерен воспользоваться этим самым эмоциональным ажиотажем. Однако будучи трусом по жизни, хотел бы какого-то подкрепления. Собственно, ваш подход к вещам и видится мне в данном случае годным. Собственно, это предложение!.. (*Улыбнулся.*) Корысть, кстати, тут вполне сгодится – я более чем обеспечен.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ (*оживленно*). Превосходно! Я относительно корысти и тем более прочего... (*Задумывается.*) Пе-пе-пе... поступимте так. Вы мне расскажете весь ход событий, а я затем предложу некую роль. Как вам такой наклон?

Павел Васильевич молча смотрит. Встает, начинает размеренно ходить.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Поехали, стало быть... Надо признаться, я сразу эту женщину приметил, что само по себе странно... Симпатичная – красавицей я бы не назвал... пожалуй, средняя внешность. Поведение – обыкновенное. Умеренно шустр, достаточно толкова – да ведь это не может составлять причин! Словом, если очевиден вообще мотивационный механизм – огрубелость и монотонность жизни – то почему именно она взъерошила, мне непонятно.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Вы насчет труса уронили. Как правило люди таких признаков тянутся к матерям.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Мне подобное знакомо, супруга, знаете ли, тот экземпляр. Здесь не то, загадка.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Ну а вот такое. Мелькнуло было нечто, вполне безобидное, а вы и зацепились, – от досужия исследовать пустились, да сами же себя и вовлекли.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Тоже приходило в голову. В том и штука, что эмоция сразу сделалась устойчивой.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Превосходно! Ну-с, таким образом, пойдёмте по частностям.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Отчетливо помню тот вечер. Шел домой пешком – я это регулярно делаю – и стояла весна. Да, вот видите!.. Воспаленные облака и прохладная синева, старого кроя дома с ранами облупленной штукатурки, мелкий ядреный лист на акациях вдоль тротуара, сосредоточенно-непринужденные прохожие. Свободная, созерцающая голова... Она шла недалеко впереди, но тогда я еще не знал, что это она. Собственно, и не обращал внимание... Стало быть, она была на высоких каблуках. Случилась выбоина и женщина немного подвернула ногу. Ее шатнуло к кустам, напоролась на ветвь и порвала чулок... Я даже не предпринял помощи – шел отрешенный. Впрочем, этого не требовалось, там ничего болезненного не произошло... Словом, я

поравнялся. И услышал, как она выругалась. Не грязно, вполне публично: порвала колготку – понятно, что для женщины в обзрении такое чрезвычайно. Но это отчего-то было одновременно... и пугающе и забавно... Если бы я понимал, что здесь моя сотрудница, то не подал виду, но все случилось автоматически. Теперь же и женщина машинально огляделась, и мы встретились лицами. Представьте меня! Естественно я сделал сочувственный вид. Что сказать, не нашел – по моему, весьма глупо развел руками... Теперь пострадавшая. Досада от порванного чулка и вдобавок неудобное положение в виде начальника. Вероятно, я был готов к чему-либо скомканному, неловкому, однако получилось совсем иначе. Она улыбнулась. Вполне вроде бы закономерно... но не виновато, не растерянно... Мило! Чрезвычайно свежо... (*Павел Васильевич достает сигареты.*) Угощайтесь.

Дмитрий Петрович отрицательно выставляет ладошку и помотает головой.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ (*помяв, крутя, сигарету*). Не возражаете?

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Очень люблю запах хороших сигарет... Между прочим, никогда не курил. Даже не пробовал ни разу... При этом всегда мечтал испытать.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Seriously, не пробовали? Удивительно.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Не поверите, но и не пробовал ради того чтоб не истребить мечту.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Однако.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Ну так вернемтесь.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Что – нет никаких соображений?

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Комментировать пока погожу, притом что желание, как вы непременно догадались, уже возникло.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вы конечно об этой ее улыбке подумали.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Отнюдь – вы дивно описали вечер. Но не останавливайтесь.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Было еще обстоятельство. Когда подвернулась нога, она промолчала, что, согласитесь, неожиданно для женщины – обычно вскрикивают. Но тогда я не придал значения... Собственно я тронулся дальше... Ну да, почему-то приключение отложилось и возникало. Было при этом как-то уютно... Странно... однако я помню, что даже заснул в тот вечер моментально, что для меня необычно. И более того, случился сон. Я их никогда не запоминаю, а этот накрепко.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Извольте-ка!

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Я оказываюсь на некоем обжитом острове. Городок в средневековом стиле, знакомые, близкие. Действия – все это довольно смутно. Но вот апофеоз: то ли событие, то ли провал, не помню, и я оказываюсь в одиночестве. Улицы, дома, безмолвие. Я мечусь – все удивительно отчетливо. Выбегаю на окраину городка. Дорога. Вдали по ней вяло приближается негустая и невеликая толпа людей в балахонах. Я вглядываюсь и вижу – это прокаженные.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Просто великолепно!

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Небось дадите толкование?

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ (*разведя руками*). Не силен... Знаете, я слукавил относительно дивного вечера, чтоб вас не сбивать. На самом деле подумал именно об улыбке. Я вот к чему. Вы замаялись, когда собирались обозначить качество улыбки, и сказали милая. А вам не показалась она в действительности озорной?

Павел Васильевич задумывается.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Черт возьми, теперь я уже так и думаю. Пожалуй что и озорная. Просто тогда я так ее квалифицировать не мог. С какой стати? – совсем не случай

озоровать. А вот теперь!.. То есть вы хотите сказать, что она сразу назначила игру и я вляпался?.. Погодите, да не склоняете ли вы думать, что и аварию она специально подстроила? Ну, знаете – так всякий интерес к нашему разговору пропадет!

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Да ведь вещь не в том, что было на самом деле. Истина в таких мероприятиях как чувства совершенно не нужна, да и напрасно ее искать. Весь смак в самой игре, и уж коли угодили, так не грех играть напрапалую.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Легко сказать – напрапалую. Кабы лет убрать, тогда пожалуй – а то ведь и чревато.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ *(одобрительно)*. А как же не сомневаться!.. Послушайте, влюбленность – чудная пора. Светлая зависимость. Но эйфория проходит, начинаются обстоятельства: два связанных чувствами человека начинают хотеть разное. Не находите, что ситуация становится противоестественной?.. Слава богу, сейчас чувства покупаются. Деньги – аллилуйя! Так и действуйте.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Что-то вы свернули... как-то неуклюже.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Вот и отлично. Вы увидели разочарование? Оттого что я сбил романтику. Ну так это только означает, что она есть. Так и вперед.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

За столиком сидят Павел Васильевич и Дмитрий Петрович, последний достает карты.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Послушайте, а не перекинуться ли нам в дурака?

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Странное желание. Не намек ли это с вашей стороны?

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Избави бог! Уверяю вас, чрезвычайно релаксирующее предприятие. Всегда применяю в затрудненных обстоятельствах.

Пожимает плечами.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Извольте. Коли я доверился вам, то сделаю это всецело.

Раздали. Дмитрий Петрович увлеченно шлепает картами в ответ на аккуратно подкладываемые Павлом Васильевичем.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Отличное название у игры – дурак. Это чрезвычайно по-русски... Возьмите Ивана-дурака. Русский ничуть не числит себя ущербным, будучи дураком или балдой. Обратите внимание, играя в карты каждый априори готов примерить слово на себя – отсюда играет вполне охотно. А?.. И вот что еще! Существует Марья искусница, Василиса премудрая – героиня типа Лушки дуры отсутствует напрочь – вот вам русская быль. Мужик русский весьма деликатное существо!

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну, баба-яга.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Нет-нет, это совершенно неуместно. Баба-яга – реалистический персонаж. Или возьмите старуху из Сказки о рыбаке и рыбке. Типаж характернейший, абсолютно аутентичный. Реальность не может быть деликатной... А вот именно дамочку. *(Шлепает картой о ломберную поверхность.)*

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ *(отбиваясь картой)*. Коварно. Однако пока мы контру отыщем.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. А знаете ли какая мысль теперь во мне расположилась! Такая снисходительность к персонажу – и именно мужская – от русской коллегальности. В обществе, дескать, и дурак в доход.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Хм, зыбковато.

На сцене появляется Вика. Идет медленно, задумчиво. Увидев мужчин, останавливается. Тут же трогается, подходит.

ВИКА. Извините, у вас нет зажигалки?

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. За что я должен вас извинить?

Павел Васильевич подает зажигалку.

ВИКА. Ну, так принято говорить.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Принято говорить – отменное выражение...

Вика прикуривает, возвращает зажигалку и намеревается отойти.

ВИКА. Благодарю. Или и это вам покажется излишеством?

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Отчего же. Послушайте, вы не торопитесь?

ВИКА. Ровно это я и делаю.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ (*оживлено*). Знаете что – а не хотите ли составить компанию относительно партии в дурака?

ВИКА (*улыбнувшись*). В дурака? Чудненко. Кем же я буду в такой компании?

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ (*торжественно глядя на Павла Васильевича*). А? Я вас поздравляю – русская женщина решительно не желает записываться в дуры!

ВИКА (*язвительно*). Какой нонсенс!

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. А вас не смущает, сударыня, что игра в дурака есть вполне умственное занятие. Да будет известно, что Карпов – я на всякий случай уточню, имеется в виду чемпион мира по шахматам – совершенно не чужд оным занятиям.

ВИКА. Да пусть хоть в козла играет, мне-то что!

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Я так понимаю, вы разумеете домино.

ВИКА. Я разумею вот что – мужик как родился, так и попер козлить.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Кажется, девушка не в духе.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Вы не в духе – и где же, осмелимся поинтересоваться?

ВИКА. Какое вам дело? – отстаньте от меня.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. А я отвечу на подобный вопрос. Видите ли, мы с товарищем пришли к выводу, что мужчина суть особь неким образом коллективная, а вот женщина – напротив. Именно эта идея лежит в основании того заключения, что мужчина согласен быть дураком в противоположность женщине. Вот какое нам дело.

Вика смотрит внимательно, затем легко, благосклонно.

ВИКА. Дяденьки вы забавные. Ну давайте побеседуем, мне все равно ждать... (*Устраивается рядом.*) Слушайте, а может наоборот – коллективный потому что дурак?

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Замечательный оборот мысли. Таким образом, против чего вы восстаете, против коллектива, либо дурака? Насколько я понимаю, мужчина все-таки вас устраивает при всех обозначенных характеристиках. Коллектив – не в такой степени. И тем не менее вы не хотите быть душой.

ВИКА. Отчего же, может, и хотела бы. Да вы упорствуете. Высокомерны и беспомощны. Невольно приходится с вами управляться. Тут не до глупости.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Браво.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Брависсимо.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ (*Павлу Васильевичу*). Ну вот же! Так не просить ли нам в помощницы уважаемую сударыню? (*Вике.*) Голубушка, всемерно согласимся в собственной ограниченности. Отсюда и просим вспомоществования.

ВИКА. Пользуйтесь, так и быть. Так что же, сдавайте на меня.

Дмитрий Петрович сдает.

ВИКА. Я так понимаю, мне надобно стараться проиграть. Однако и тут вы промахнулись: у меня полно козырей.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Никогда не сомневался, что все козыри у женщины.

По очереди подкидывают карты.

ВИКА. Это надо понимать в фигуральном смысле?

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Разумеется, в фигуральном.

ВИКА (*Павлу Васильевичу*). Э, э, товарищ! Вы кроете не той мастью.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ах дьявол, простите великодушно. Всегда путаю вини и черви.

Павел Васильевич кладет другую карту.

ВИКА. Я гляжу, вы мне мозги путаете. (*Дмитрию Петровичу*.) И какие же у нас козыри?

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Красота – и прочие слабости.

ВИКА. Фи, красота – на хлеб, как говорят, не намажешь.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Как сказать. Имеется в виду, простите за прозу, приторговать можно.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Действительно, покупаем. И это недурной вопрос – отчего непременно предпочитаем красавиц? Инстинкт рода, самоутверждение?

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Есть мнение, что шурует сие от идолопоклонства... Кстати, и украшения отсюда – они вносят элемент неодушевленности.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Хм, вправду любопытно. Я не раз заставлял себя на том, что неприятно видеть, когда женщина ест. Может это обожествление? – трудно представить бога жующим.

ВИКА. А туда же – продать. Покупать бога? Впрочем, что такое молитва – замаливаем, покупаем.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Замечательно.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. И я такое спрошу – как насчет поменяться местами?

ВИКА. В каком смысле?

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну, пошли бы вы в мужчины?

Вика задумывается.

ВИКА. В мужчины... (*Улыбнулась*.) У меня есть... м-м... приятель, словом. То есть стать им... Бузгать пиво, пинать по мячу... Нет, вряд ли.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Бесподобный прагматизм – пиво, футбол. Таким вы представляете мужчину.

ВИКА. Да представлять-то мне не надо – я ж сказала: имеем факт.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Погодите, но ваш приятель наверняка где-то работает.

ВИКА. Ну, вроде того... Нет, он, конечно, занимается делом. Недвижимость, риэлтерская фирма. Что-то продает. Однако на работу к нему как ни придешь, сидит за компьютером – то в шахматы дуется, то иные игры.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. То есть этот аспект вас категорически не прельщает. Вы меня раздражили – может, отыщите хоть что-либо заслуживающее ваше почтение?

Вика задумывается.

ВИКА (*оживляется*). У него шикарные волосы. Из них можно сделать классную прическу.

Дмитрий Петрович и Павел Васильевич аплодируют.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Послушайте-ка, а не могли бы вы теперь же встать... э-э... ну, как бы на его место.

ВИКА. Да он сейчас сам должен подойти – его и жду. Опаздывает как обычно.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вообще, это женская прерогатива.

ВИКА. Угу, посмела бы я.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Он тиран?

ВИКА (*неуверенно*). Да не сказать. Впрочем, не без амбиций.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Ну вот же – аспект. Неужели вас совершенно не манит власть, и вы не хотите взять сие от вашего друга?

ВИКА. Я, когда надо, особенно-то не попускаю. Методикам обучены.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ (*страстно*). Оп-оп! Здесь минуточку. Обучены нарочно, и кем в таком случае – либо все-таки инстинкт врожденный?

ВИКА. Господи, да вашим братом и обучены. Язвимые-то места видны – и пальцем тыкать не надо.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Слон имеет все основания опасаться мышь – забравшись в хобот, случается неуязвима и вредна.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Я правильно понял, что власть вас некоторым образом все-таки привлекает?

ВИКА. Уже говорилось – не ради ее самой. Чтоб вашего брата на дорогу отвести. Голова, шея – вещь известная.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Я где-то прочитал, что материнство – в чем-то компенсация тяги к власти.

ВИКА. Не задумывалась. Во всяком случае, рожают точно не ради этого.

Пауза, шлепают карты.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. А не пройтись ли относительно любви! Ваш ход, сударыня.

ВИКА (*театрально закатив глаза*). Начинается... Ну да, любовь. Никто не знает что это такое, и все знают, что она непременно уходит.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ (*патетически*). Вот современные женщины! Романтизм – ау!

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Неужели вы не мечтали вскружить кому-то голову, или сами увлечься!?

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Хм, вскружить голову – замечательный состав букв.

ВИКА. Прекратите.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. А на это могила есть. Уж там непременно.

ВИКА. Наивно было бы сопротивляться радостным чувствам. Только любовь уж больно изношенное слово.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Изумительно. Из всех придуманных – слово любовь, по-видимому, наиболее оправдывает такое нелепое обстоятельство как гомо сапиенс. Впрочем, очень хотелось, чтоб вы этого не поняли.

ВИКА. Чего тут не понять.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Надо признать, вы чрезвычайно трезвы.

ВИКА. Просто перед вами не требуется из себя корчить.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Иными словами, притворство – ваша суть?

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ *(с улыбкой)*. Несомненно. И именно оттого что глупым притворится можно, а умным нельзя, мы имеем то что имеем... *(Воодушевляется, обращаясь к Вике.)* И теперь я предлагаю вам замечательный шанс. Некоторую игру, где вы можете поиграть роль мужчины – то есть вам не надо будет претворяться. Дело вот в чем – наш друг *(указывает на Павла Васильевича)* попал в деликатное обстоятельство. И в целях усвоения им, скажем так, материала и приноравливания к кондиции было бы не грех сыграть некий спектакль.

ВИКА. А что за обстоятельство?

Дмитрий Петрович встает.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ *(поет)*. Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь, и каждый вечер сразу станет удивительно хорош...

Садится.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Ситуация понятна? Итак, попытаемся изобразить следующее. Вы – Виктор, мужчина в возрасте, владелец приличной фирмы. Павел Васильевич – молодая женщина, сотрудница. Между вами возникло нечто – в тлеющих производственных отношениях взбодрился язычок пламени житейского значения.

ВИКА. Знаете что, это забавно. Тем более что... *(Поворачивается к Павлу Васильевичу.)* Извините, а как зовут ваш предмет?

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Юля.

ВИКА. Я согласна. *(К Дмитрию Петровичу.)* Только чего вы хотите от таких назначений?

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Ну как же, попытаться забраться в натуру, потрогать психологию.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Павел Васильевич и Вика сидят в ресторане. Павел Васильевич в женском облачении, Вика в строгом мужском костюме.

ВИКА. Как вы отнесетесь, если мы сопроводим это коньячком?..

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. В обед коньяк я прежде не испытывала, но отчего же. И потом странно было бы вам отказать.

ВИКА. Вы дивно выглядите – чудное платье, миленький рисунок.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ *(с укором)*. Вы разбираетесь. Это так по-женски.

ВИКА. Да? Вот черт, съехал невольно. Ну это... вы спортом интересуетесь?

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Не особенно. Собственно, нет, меня не берет.

ВИКА. Не, ну бокс. Тут Валуев американца уделал – классно, блин. На по печени, на по сопате. Классно!

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ужас, что вы говорите!

ВИКА. А что, в натуре. На по поджелудочной.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Меня как вашу подчиненную начинает кидать в дрожь.

ВИКА. Какую подчиненную? Тьфу ты, елки!.. *(Делает осанку.)* Вы отменно вели себя в налоговой. Честно сказать, даже не ожидал.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Отчего же – я вам кажусь серой?

ВИКА. Вовсе нет... Впрочем... вы мне кажетесь легкой, живой. Наверное это и сбивает с толка. Отчего-то хороший работник мне видится сухим, отдельным, вероятно, дает знать старая закваска.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Подозреваю, таким образом, ваши симпатии должны доставаться Ольге Николаевне. Ну с короткой стрижкой, у окна сидит. У нее рамка на столе.

ВИКА. Вы знаете – да. Хоть она пришла недавно, и я совершенно не присмотрелся.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Замечательная женщина – опрятная, работающая. Мать-одиночка – двое ребят, чудные создания. Я поражаюсь, как она управляет.

ВИКА. Вы осведомлены.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Что вы хотите, женский коллектив. Впрочем, там – я относительно Ольги Николаевны – кажется, была какая-то история на прежней работе. Наши шепчутся... Она действительно вас интересует?

ВИКА. Ну, в общем да. Открываем новое направление, нужна кандидатура. Приходится вглядываться.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. А вот вы, в свою очередь, – личный фронт, все покрыто мраком. Страшно любопытно, женский коллектив.

ВИКА. Абсолютно мирная ситуация – двадцать пять лет вместе. Сын в Москве, дочь за границей замужем. Вот внук родился, поедем на ознакомление.

Пауза.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ах, какая стоит погодка! Я обожаю погоду. А вы обожаете?

ВИКА. Ну, если под пивцо.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вы – шалун.

ВИКА. Я – он. Так, знаете, шалю другой раз, просто мухи мрут.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Я не обожаю мух.

ВИКА. Ну почему – если под пивцо...

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ах, надо же – кажется, коньяк меня ударил. Опасная вещь, хи-хи.

ВИКА. Вещь, чего там.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Все-таки это любопытно, отчего мужчины привержены возлиянию больше нас. Вам нужна провокация, освобождение?

ВИКА. Провокация? А чего – пригодится... Я так понимаю, еще по рюмочке.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Какой вы сообразительный.

ВИКА. Должность.

Вика наливает.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Тогда я напрямик, коли вы в должности и сообразительный. Поговоримте обо мне.

ВИКА. Собственно, к чему я и вел.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Я – изумительная женщина.

ВИКА. Вы уверены?

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ничуть. Но вы будьте уверены.

ВИКА. Ну... хотелось бы все-таки доказательств.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. То есть вы категорически не верите на слово!

ВИКА. Должность, вы ж понимаете.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну хорошо. Умею быть плохой, когда надо.

ВИКА. Веско. Как это вы умудряетесь?

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Наследственность, полагаю.

ВИКА. Это основательно... Елки, а я ведь тоже так поступаю.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вот это да! Мы с вами не родственники?

ВИКА. Ну, общность налицо. Стало быть, еще по? (*Наливает.*)

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Пить – унынию вредить.

ВИКА. По-моему, произошла рифма.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ (*поднимая бокал*). За сообразительность, которая у вас представлена во всей красе.

Пьют.

ВИКА. Вы мне, похоже, очень тонко польстили.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Может, потолще?

ВИКА. Пока сойдет и так... А чего вообще-то приятного в лести?

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Думаю, то же что в вине – провоцирует и освобождает.

ВИКА. Тогда льстите еще. Можно толще.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. В вас есть что-то страшно обаятельное.

ВИКА. Думаю, кошелек... Черт, все-таки хорошо быть начальником. Особенно когда в подчинении молодые женщины... А вы бы хотели стать начальницей?

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Можно соврать?

ВИКА. Валяйте.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Не знаю... Думать, напрягаться. Ответственность... Я бы даже мужчиной не хотела стать. Проблема мужчины в цели – с приближениемона становится все туманнее. У женщины более узок мир и цель доступнее – отсюда, кстати, образ головы и шеи. Начальники-мужчины в секретари всегда берут женщину, вы сами обратили внимание... Вам нужна молодая женщина, уж вы поверьте. Руководитель вынужден иметь физиологическое, коварное возбуждение – это усмиряет негатив мужской мудрости.

ВИКА. Вы относительно игры?

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Относительно. Впрочем, упражнения такого рода опасны, ибо...

ВИКА. Ибо что?

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ибо потому что.

ВИКА. Уже толще. Стало быть, мне сразу сдаваться или напротив?

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Сразу – ни в коем случае.

Павел Васильевич тянет пустой бокал.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ах, вы сделаете меня алкоголичкой – несносный.

Вика равнодушно смотрит на бокал.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну сделайте же меня алкоголичкой.

Вика наливает, молча пьют. Входит Саша.

САША. О, ничего себе! Подруга, ты оборзела что ли? Бухает, блин, в наглую, ты что вообще о себе думаешь?

ВИКА (*грубо*). Что за тон! Ты – фофан, поляну вообще-то надо просекать. Тем более что я с женщиной. (*Павлу Васильевичу.*) Простите великодушно, мадам, мой знакомый опоздал на воспитание. (*Саше.*) Познакомься, Александр, моя подчиненная, Амалия.

Павел Васильевич жеманно подает руку. Саша в полной растерянности, пучит глаза. Руку, однако, осторожно поживает.

САША (убито). Черт возьми, что происходит! Что за маскарад, что за спектакль!

На сцене появляется Дмитрий Петрович. Он подходит к Саше, что-то говорит ему на ухо, оба уходят.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ (кокетливо). У вас чрезвычайно славный знакомый.

ВИКА. Да? Очень любопытно. Мне в голову не приходило применить к нему такие слова.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну, у женщин иной взгляд.

ВИКА. Вот бабы – извращенки.

Стремительно входит Саша, напористо садится.

САША. Ну что, я все понял. (Хлопает Вику по плечу.) Наливай, приятель.

Вика наливает. Пьют.

САША. Прекрасный вечер.

ВИКА. Тонко.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вечером холодней, чем днем.

САША. Утром раньше чем в обед.

Молчание.

САША. А неплохо прошла.

ВИКА. Слушай, водовка новая появилась. Спиртовая.

САША. А какая еще должна быть?

ВИКА. Название – спиртовая.

САША. Не пробовал. И что?

ВИКА. Идет исключительно.

САША. Новье – паленку еще не наладили.

ВИКА. Само собой. Но и вообще: мягкая... и кайф чистый и бодрый.

САША. Слышь, сон приснился. Подцепил карася. И вот карась губы – яркие такие – языком облизывает и рассуждает: гарнитурчик на кухне надо поменять. Карасиха, не иначе.

ВИКА. И мне тут баба приснилась. Красивая-я! На роже почему-то следы протектора, будто наискось колесом переехало. Очень возбуждательная баба. (Закашливается.) Блин, горло першит. Но курить не брошу – из принципа.

САША. Нет, ну можно и бросить. А из принципа – снова закурить.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Саша, а вы кто по гороскопу?

ВИКА (смеется). Козерог, естественно.

САША (хмуро глянул на Вику, отвернулся к Павлу Васильевичу). Родился в год тигра.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Я почему-то так и подумала – у вас мужественный вид.

САША. Тогда еще по одной.

Наливают, пьют. Саша азартно смотрит на Павла Васильевича.

САША (*Павлу Васильевичу*). Слышь, Амалия, а ты ничего смотришься. Виктор, как я понимаю, к тебе клинья бьет. Ты особенно губы не раскатывай. Такой неположительный человек, наобещает золотые горы – а на деле... Нет, ты душка, отвечаю.

ВИКА. Александр, что за манеры! Душка, неположительный – где ты набрался таких слов, что обо мне подумают!

САША. А мне пофиг, что о тебе подумают, неположительный Виктор. Однако я чувствую к Амалии огромную симпатию, и намерен добиваться взаимности.

ВИКА. Ха, он намерен! Это еще посмотрим.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вы такой стремительный, Саша, я затрудняюсь. У нас с Виктором был вполне доверительный и приятный разговор.

САША. Да ты посмотри на это чучело! Ни мышц, ни тембра в голосе... А я! (*Расправляет плечи.*) Орел!

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Подождите, есть же какие-то основательные характеристики. У нас много общего, нам попросту интересно.

САША. С ним интересно? Да ты бы послушала его на трезвую и больше чем полчаса.

ВИКА (*возмущено*). Ну, знаешь что!

САША. Что!? Говори, рыба моя.

ВИКА. Такими методами. Это совершенно не по-мужски.

САША. Ага! Ну давай по-мужски, продемонстрируй.

ВИКА. Не собираюсь ничего демонстрировать, мы не в цирке. Есть общая мораль и человека видно.

САША. Вот это да! О морали разговариваем – оказывается, умеем, когда приспичит. А чего же ты в натуральном состоянии ведешь себя как торговка на базаре.

ВИКА. Александр – ты не путай.

САША. Да ведь это вы тут путаники! Театр комических действий устроили, блин – фарс-мажор на злобу дня.

ВИКА. Знаешь что – заткнись!

САША. Ага, заткнись – ты сейчас которая? Она или он? Может, оно?

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Послушайте, прекратите.

САША. А ты, душка-трансвеститка, помалкивай.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ (*грубовато*). Слушай, ты особенно не распускайся. Я не таких видел.

САША. Как вы чудно заговорили, мадам. Мне это нравится все больше. Воевали, конечно, на амбразуры ложились, в окопах подставляли. Я хочу тебя, Розалия.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Сам ты Розалия... Нет, все. Я не намерен больше терпеть.

Павел Васильевич встает.

ВИКА (*растерянно*). Вы сейчас кто?

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Откуда я знаю – сам запутался... Где Дмитрий Петрович? Пусть растолкует кто из нас кто!

САША (*тонким голосом, жеманно, достав сигарету*). Мужчина, угостите даму огоньком.

Павел Васильевич угрюмо смотрит. Достает из закрюков платья зажигалку, чиркает. Садится.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Да, надо закурить. Иначе... (*Закуривает, пристально глядит на Сашу.*) Знаете, вам необыкновенно к лицу этот вечер.

САША кокетливо поводит плечиками. Шлепает Павел Васильевича по плечу. Павел Васильевич снимает с головы заколку.

САША. Вы озорник.

ВИКА. Э, подруга, ты что тут вытворяешь! Блин, готова первому встречному на шею вешаться.

САША. Ах, оставьте ваши нравоучения. Я не собираюсь противиться чувствам.

ВИКА (*угрожающе*). Слышь, особа – ты тут не особенно. На разборки нарываешься!

САША. А мне параллельно.

ВИКА. Перпендикулярно будет, учти.

САША. А мне по фьючерсу.

ВИКА. Сашка, подлец, завязывай.

САША. А я такая, я жду трамвая.

ВИКА. Слушай, ну хватит уже.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Но отчего же, у вас очень перспективная подруга. (*Саше*.) Я верно понимаю, что вы расположены к чувствам?

САША. Я жутко чувствительная, просто куда бежать.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Отчего же бежать? Что как не чувства украшают жизнь. И вообще объединяют.

САША. Как сильно сказано, ваши слова подступают к сердцу.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Слова – прелюдия чувств.

САША. Несомненно. Особенно такие: презент, драгоценность, и вообще, деньги.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Я ваш намек отлично различил. Будет и белка, будет и свисток.

ВИКА (*угрожающе*). Ну вы, свистки – хорош борзеть. Это уже не смешно!

САША. Разве? А нам весело.

На сцене появляется Юля.

ВИКА. Ну слава богу! Юлька, ты как тут?

ЮЛЯ. Саша позвонил. Дескать, вы тут моего начальника окучиваете, и мне надобно его выручать. И где же он?

ВИКА. Как где! *Показывает на Павла Васильевича.*

ЮЛЯ. Бог с тобой, это совсем не Скворцов... *С удивлением оглядывает Павла Васильевича.*

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Далеко причем не Скворцов. Моя фамилия Бякин.

Появляется Дмитрий Петрович, смеется.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Отличная комбинация. Впрочем, это даже и неплохо, все становится непринужденней.

ВИКА. Нет уж, хватит с меня упражнений. (*Саше*.) Отваливаем-ка, голубчик, пока окончательно не заголубел – ты мне еще понадобится.

САША. Дай подумать.

ВИКА. Не надо, займись своим делом.

САША. Но милая, мне обещали белку. И даже свисток.

ВИКА. Ох же ты продажная душонка!

САША. Примериваю шкуру. Вполне уютно, доложу тебе.

ВИКА. Вот шкура!

САША. С намерением относиться к тебе впредь с пониманием.

ВИКА. Такого понимания мне не надо!

ЮЛЯ (*смеется*). Но Сашка, если так прямолинейно, в этом деле подразумевается взаимность. Каким приспособлением ты взаимность будешь соблюдать. Очень любопытно.

САША. Черт, действительно, на такие жертвы я пока не готов.

ЮЛЯ. Ты понимаешь теперь, как мы ради вас жертвуем?

САША. Да, все-таки женщина существо непостижимое.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Ловко замечено. Я подозреваю, что с вероятием и для самих себя.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Это единственная резолюция нашего мероприятия?

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Совершенно нет. Ибо вся катавасия была проделана исключительно ради отображения некоторых произвольных жизненных коллизий. Разрешите представиться – Скворцов, начальник этой милейшей дамы. (*Показывает на Юлю*).

ЮЛЯ. Ну да, это Дмитрий Петрович Скворцов.

ВИКА. Ни фига себе!

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Однако.

САША. Я как ничего не понимал, так и остался при своем.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Вообще говоря, в этом есть своего рода прелесть – вы не находите?

САША (*задумчиво глядя на Дмитрия Петровича*). М-м... вполне возможно... Стало быть начальник – отличная должность. Не хотите закурить?

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Знаете, никогда не курил. И, кажется, пришла пора попробовать.

Закуривают.

САША. Как вам?

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Вполне. В новизне что-то есть.

САША. А я о чем!

ЮЛЯ (*Саше*). Что-то я не понимаю, кого от кого ты вызвал меня спасать?

Вика ершисто поворачивается к Павлу Васильевичу.

ВИКА. Так я и говорю, очень миленькое платье. Рисунок.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Вы на это как раз внимание не обращайтесь. Смею уверить, имеются вполне мужские начала.

ВИКА. Я о чем и веду речь.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Значит, свисток и белка – это в силе.

ВИКА (*кокетливо*). Обожаю свистеть.

САША. Нет, решительно сигарета придает вам мужественное очарование.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Черт возьми, мне нравится ваш взгляд на суть вещей.

САША. Дорогой мой, на суть я имею ничуть не один взгляд. Их у меня несколько.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Предлагаю постепенно охватить все ваши взгляды.

САША. Ну такое заманчивое предложение, ну такое перспективное.

ВИКА. Значит, говорите Бякин. Роскошная фамилия. У меня даже что-то кольнуло, как только услышала. Даже не пойму в каком месте.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Думаю, есть смысл порыться относительно места. Я вдруг разглядел в себе искателя. Да что там, это, несомненно, мое призвание.

ВИКА. Знаете, я почувствовала явную симпатию к искателям.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Так не разобрать ли нам возникшие настроения досконально? Так сказать в уединенном состоянии.

ВИКА. Да в каком же еще таковые разбирать!

Игриво уходят.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Однако арена опустевает.

САША. Что усугубляет варианты.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Не намекаете ли вы, что нам следует в свою очередь поступить каким-нибудь образом?

САША. Именно образом. Только так и следует поступать в данных ситуациях.

Игриво уходят.

ЮЛЯ. Что-то не въезжаю – а я-то при каких делах осталась? (*Достает мобильник, набирает номер.*) Жорка, подлец, ты где шарашисься?

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Все находятся на сцене, играют в карты.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ (*кладет карту*). А получите-ка валета – как вы теперь взглянете?

ЮЛЯ (*отбивая карту*). Отважно взгляну. Нас мальчиками всякими разными не возьмешь. Видели мы мальчиков!

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ (*подкидывает*). Стало быть, дама. Что относительно девочек?

ЮЛЯ (*перебирая свои карты*). С этими товарищами, конечно, сложней...

ВИКА. Бери, Юлька, хорошие карты.

ЮЛЯ. Щас! Даром воевали, зря что ли рейхстаг брали? (*Кроет даму.*)

САША. Последнего козыря небось отдала.

ЮЛЯ (*кокетливо поправляя волосы*). Не надо. Все козыри при нас.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Ну просветите, Юлинька, в таком случае. Жизнь прожил, да так и не разобрал основные женские козыри.

ЮЛЯ. Сила слабости, разумеется.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Отменно сказано, сила слабости.

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Опять вы повернулись в профиль, фигурально выражаясь. Я надеялся, что отошлете к красоте, и даже намерял процитировать – сосуд она, в котором пустота, или огонь, мерцающий в сосуде? А вы обкорнали весь мой посыл.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Собственно, это и ответ... Кстати, Юля, что там отчет? Завтра в налоговую – помните?

ЮЛЯ. Действительно, кстати. Неужели забуду! Все готово.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Если все нормально, за мной, как обычно, обед в Астории.

ЮЛЯ (*настоятельно*). С Хеннеси.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Как водится.

ЮЛЯ. Я в боевой готовности. Ох, завтра напьюсь!

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. За что я вас особенно ценю.

ЮЛЯ. Вы насчет напьюсь, как я понимаю.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Именно за понимание.

САША. Нет, поясните, за что такие предпочтения! Я искренне люблю Хеннеси. Вообще говоря, это первая и последняя моя любовь.

ВИКА. А я которая?

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Тогда догадайся с полутора раз – за что.

САША. Понял, и хочу, тем самым, быть женщиной. Даже точнее выразусь – Юлей.

ВИКА. Нет уж, оставайся собой. Ты мне такой выгодней.

САША. Вот она – бухгалтерская жила. (*Сердечно шлепает карту о стол.*)

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Я трандю. (*Кидает карту.*)

ВИКА (*огорченно*). Какой вы, Павел Васильевич. ...

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Какой?

ВИКА. М-м... транданутый!

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ. Я – такой.

Вика собирает взятку.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Ну так что вам нынче снилось, Юлинька?

ЮЛЯ. Дались вам эти сны. Я их не запоминаю.

Дмитрий Петрович пальцем, как пистолетом клюет в сторону Юли, затем подносит палец к губам, дует.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Ответ неверный... Начальник должен знать сотрудников. Сны, как учили в годы моей службы в чека, отлично раскрывают человека. Сублимация, уважаемая.

ЮЛЯ. Ой, знаете, был как-то дивный сон! Крокодил. Пасть разевает и запах сирени.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Позвольте, запахи во сне? Хм.

ЮЛЯ. Сирень! Чистый, настоящий запах!

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Черт, чека малость недоработали.

САША. А мне голая женщина нынче приснилась. И глазом подмигивает, подмигивает. Я объясняю, отойдите, голая женщина, не подмигивайте глазами. Я и сам способен мигнуть.

ВИКА. Ну-ка что за женщина! Ты получишь!

САША. А пусть не подмигивает. Размигалась тут видите ли. Охамели окончательно!

ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВИЧ (*кисло*). А мне женщины исключительно одетые снятся. Безобразие. (*Подкидывает карту.*) Получите семиту, как говорили у нас в деревне.

ВИКА. Хочу в деревню. Куда-нибудь в Новую Зеландию.

ЮЛЯ. Архетип лезет, Викуся, крестьянская молекула выступает. Водопады, океан – архетип.

ВИКА. Ну и пусть лезет.

ЮЛЯ. Дмитрий Петрович, не дайте дамам умереть – поездочку бы спроворить, а? Молекулы повылазят, дебит в кредит ударится.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. А вот такую семерочку побьете?

ЮЛЯ. Это грамотно. Как приятно с вами работать. Десятка на вашу семерочку.

ДМИТРИЙ ПЕТРОВИЧ. Тогда такая семерка.

ЮЛЯ. Козырная? Я же пошутила насчет поездки.

Пошла музыка. Тихо пополз занавес. Негромкие возгласы: «Туз. Трефовая дама, пардон, пиковая...»